

увидѣть дядю, и душа просвѣтлялась, горе забывалось. И вотъ дяди Доди не будетъ... Никогда, никогда не будетъ... Все сердце ея перевернулось...

Лодка вдругъ стремительно закачалась. Лена порывисто вско- чила съ мѣста и упала передъ Діодоромъ на колѣни.

— Дядя, дядя! — закричала она, рыдая. — Возьми меня съ собою!... Безъ тебя я не буду жить! Возьми же, возьми меня! пусть лучше я погибну съ тобою... Я готова на все, я ничего не боюсь... возьми меня съ собою...

Діодоръ съ усиліемъ поднялъ ее и посадилъ на скамью около себя. Онъ былъ страшно блѣденъ и руки его дрожали.

— Успокойся, Леночка... успокойся! — уговаривалъ онъ ее, какъ бывало, когда ей приснится что-нибудь страшное. — Не плачь... подожди; мы поговоримъ серьезно обо всемъ.

И онъ гладилъ ее золотистую голову, бившуюся у него на плечѣ.

— Слушай, Леночка! — началъ онъ, когда она немножко успокоилась. — То, о чемъ ты меня просишь, невозможно. Понимаешь ли, я не могу взять тебя съ собою. Леночка, жизнь, это омутъ. Ты еще ничего не знаешь, ты не окрѣпла духомъ, и трудно тебѣ придется... Когда ты все поймешь и узнаешь, ты сама проклянешь меня за то, что я безумно увлекъ тебя за собою...

— Никогда! — рѣшительно перебила его Лена.

— Ребенокъ! — прошепталъ Діодоръ, въ отчаяніи хватаясь за голову. — Ты не понимаешь, что говоришь. Будь ты человекъ вполне сознательный, я бы сказалъ тебѣ все. Но ты дитя, Леночка, и я... не могу...

Эти слова больно кольнули Леночку. „Онъ меня не понимаетъ!“ подумала она съ горечью. „О, какъ бы ей все растолковать и объяснить!“ — въ свою очередь думать Діодоръ. Какъ много хотѣли бы они сказать другъ другу, но одного удерживалъ ужасъ и благоговѣніе передъ дѣтскимъ невѣденіемъ; другую — застѣнчивость, стыдъ и неумѣнье выразить словами то, что давнымъ-давно сложилось въ головѣ.

— Нѣтъ, не могу... не могу! — повторилъ Діодоръ.

Леночка быстро отъ него отшатнулась.

— Ну... какъ хочешь, — съ усиліемъ сказала она. — Если такъ, — мнѣ остается одинъ конецъ. Жить безъ тебя я не могу и не буду.

— Леночка, Леночка! Зачѣмъ ты такъ говоришь? Это страшно! — воскликнулъ Діодоръ.